

ПОЗДНО

Мне бы снова уехать в горы...
Там ведь небо поближе и звёзды.
Только ком застревает в горле —
Поздно...

Эта липкость из грязи и снега
Уцепилась, впивается в ногу.
Тонет в ней мечта о побеге
К Богу.

А побегу невзрачных растений
Ждут весеннего клича, команды
Возродить под листьями тени
Веранду,

На которой приятно грезить
О прошедшем счастье, в котором
Не осталось меня ни Крезом,
Ни вором.

И с упором взирает небо
На меня, как вырастаю в слякоть.
И так хочется взять и нелепо
Заплакать...

НОВЫЙ СЕЗОН

Над городом дождь, скоро мой день рожденья,
Но кажется – смерти. И в этом резон,
Естественно, есть, ибо тянет на сон,
И так непонятно: и кто я, и где я...
И обувь сносились в мой новый сезон.

Какой ты, сезон сизокрылого неба?
Где пахнет могилкой цветущий жасмин,
И дует в кларнет темнокожий джазмен
Из прошлого века, согнувшись нелепо
Во весь монитор, и погашен камин...

Сезон за сезоном, но в те промежутки,
Что выпали мне для спокойного сна,
Врывалась бессонница злобно и жутко,
Вливая мне в глотку до боли в желудке
Горячую смесь из тоски и вина...

Я умер в тот день, когда вскрикнул в роддоме,
Но тело моё удержали врачи.
Младенец-душа до сих пор ещё в коме,
Но снова запой у Петра, и ключи
Потеряны им в беспробудной ночи...

А новый сезон без просвета – безбожье,
А бес-искуситель, бес-сонницы брат,
Сидит под иконой и строит мне рожи,
А небо провисло сырою рогожей,
А город опять сиротлив и горбат.

И чужд, как портянка из прошлого века –
Влезает в сапог по команде: «Подъём!»
Всё те же река и фонарь, и аптека,
И жирная муха садится на веко
Горячего трупа, почти человека,
Который не может уснуть даже днём...

ОЩУЩЕНИЕ ПОЛЁТА

Разговоры ветра с полем,
С перелеском на пригорке...
Я неизлечимо болен
Запахом сирени горьким,
Пеньем птиц и облаками,
Что зовут в глубокий омут
Поднебесья – взмах руками
И взлетел! Они ведь помнят,
Как в прошедшем, невозможном
Были крыльями, и ветер
Наполнял их сладкой дрожью.
Нет прекраснее на свете
Ощущения полёта
Над затерянным пригорком.
Дым сирени сладко-горький,
Шёпот ветра, птичий клёкот...

РУБИКОН

Свою жизнь пережил – Рубикон
Перешёл, нет пути назад.
И печальны глаза икон,
И суха винограда лоза.

И бреду босым по камням,
Истираю плоть свою в тень,
И не греют костры меня,
И не знаю, где ночь, где день.

Шелестят ещё губы, но
Их не слышит уже земля.
На её ладони лишь тля –
Ей такой быть от Бога дано...

ЕДИН

Имя тебе — Един
В море тоски бескрайнем.
Очи свои прогляди,
Но не увидишь рая.

Сумрачны эти дома,
Изображая город.
Можно сойти с ума,
Вдохом попробовав морок,

Марево, гарь и смог —
Сможешь ли выжить после?
Маленький серый ослик
Чешет о столбик бок.

Сверху взирает Бог...

ОХОТНИК

Самого себя загоняя в угол,
привыкаешь к азарту. Охотника рог,
возбуждаясь, поёт и впивается в губы,
словно не кровь на них, а грог.
Успеваешь крикнуть: ату-ату его!
рассыпаясь телом на свору собак,
отчаянно лающую в этот латуневый
полурассвет-полумрак.

Зайчишка души умирает от ужаса
настигающей тяжести, но не умрёт
ещё долго, петляет и кружится,
а потом затихает в углу и ждёт,
сжимаясь в крошечное сердечко,
задыхаясь в удушье тягучей тоски,
перед тем как зеркальный злой человек
расстреляет его не целясь, навскид.

Если жизнь — это грех, как сказал мне Гофайзен,
почему же тогда ожиданье конца
не приносит радости и так безобразен
чёрный ход в пустоту, где сидит у крыльца
маленький злой человечек-охотник,
и так долго целится в собственный лоб,
что собаки устали и спят в подворотне,
а чёрный заяц забился в сугроб...

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТЬ»

* * *

Опять дождю стучать под вечер,
собаке — лаять...
И мне заняться больше нечем,
как слушать память...

* * *

Так неохотно болеет зимой
город, который уже не мой.
Я онемел в нём и мёрзну.
Поздно — свернул не туда трамвай,
и умерла под снегом трава.
Поздно...
Поздно теперь будет всегда,
разве что вспомнится иногда
лето.
В сказки не верю: жизнь — это ложь,
и ничего с неё не возьмёшь,
только слышится летний дождь
где-то...

Я слышу музыку Творца.
Она зависла над проспектом,
А воздух изменяет спектры,
Густея возле стен дворца.
Я уезжаю — мне привычно
Уйти в свой тёмный беспредел,
Но этот северный столичный
Аккорд кариатидных тел
Мне будет долго-долго сниться,
Больную душу бередить.

Жаль — не дописана страница,
В которой я пытался жить...

БОЛЬНИЦА

Больница — боль, а Ницца только снится.
Здесь не гостиница «5 звёздочек», а так —
Ночлежка для бомжей, бедлам-барак,
Где обитают экспонаты-лица,
Хранящие следы боёв и драк.

Бинты и гипс, зелёнка и короста,
И синяки, и стоны по ночам.
И скука без зрачков в глазах врача,
И новый пациент двойного роста,
И медсестричка-ангел у плеча.

Страна моя! Твои сыны в загоне!
Я жив-здоров, опять лежу в больнице.
Когда я сплю, мне снится город Ницца,
Морской прибой и шарик на ладони,
В котором лучик солнечный искрится,
Но снова кто-то за спиною стонет,
И белым ангелом летит к нему сестрица...

В ТОМ ГОРОДЕ

Я въезжаю в твой город, в роман с продолжением —
Сколько лет я пишу тривиальный сюжет...
Здесь развязки не будет, а только скольжение
Неприятной души вдоль построек Баженова,
Где когда-то стрелялся поручик Кижее...

В этом парке ветрами колышутся тени,
Патрули не пытаются их задержать.
Если тихо вдруг станет, услышишь ты феню,
Ворожбу воробьёв и тревожное пенье
В темной церкви, где ждёт благодать.

Только что мне отдать этим улицам и переулкам?
Свою горечь тоски по обычной жизни земной?
А душа закричала — ещё неумело, но гулко,
Испытав на себе вожделения гибельный зной.
А трамвай зазвенел за спиной.